

Я, МЫ И ОНИ

Ф.И. Гиренок

МГУ им. М.В. Ломоносова

Язык существует только в пределах создаваемой им социальной реальности. Социум – это множество *других*, сосчитанных из предельной точки социума. Предельная точка социума – это пустое «я», которое ничего не прибавляет к счету и ничего не убавляет. «Я» – это социальный ноль, пустое именование места, которое начинает счет другим и завершает этот счет, не будучи сосчитанным. Пустое «я» является соблазном для *другого*. Оно не является элементом социума и поэтому находит в нем все, кроме себя.

Социальность всегда испытывает нехватку «я», отсутствие которого воспринимается *другими* как пустота, как дыра в материи социального. *Другой* пытается означить «я», навесить на него социальный ярлык. «Я», означенное *другим*, становится поименованной точкой социального пространства. Всякое «я», не обнаружив себя в социуме, обращается к языку в поисках своего имени. Но чтобы социум ни предлагал, «я» говорит, что это не «я». Если «я» именуется *другим*, то оно входит в пространство поименованных *других* и принуждено говорить на языке *другого*. Его дискурс сводится к дискурсу *другого*, ибо у него нет собственного имени и нет собственных значений. Он не может говорить от своего имени. Речь, в которой «я» не имеет собственных значений, оказывается пустой.

Отсутствие имени в языке заставляет «я» вернуться к себе в некоммуникативном жесте именованного самого себя. Лишь именуя себя, «я» может вернуть себе свою речь, сле-

дать ее полной. Поименованный *другим* не может встретиться с собой. Он надеется на встречу с другим. Разрыв с социумом возвращает ему полноту смысла, придавая его речи собственные значения.

Но «я» может застрять в языке и не вернуться к себе. И тогда говорящий станет говорить с удвоенной энергией.

Благодаря самоименованию «я» всегда находится не там, где его именуют *другие*. От него остается цепочка следов его отсутствия. Поэтому «я» есть предел существования социума.

Если язык перестает отделять *Нас* от *Них*, то тогда нам, как аутистам, приходится отказываться от языка. Отказавшись от языка, мы отказываемся и от «я», пытаясь обойтись без этого языкового костыля.

Среди нас есть *Они*, но такие же, как *Мы*. И среди них есть *Мы*, но такие же, как *Они*. Так появляется категория тех, кого называют *Вы*. *Вы* – это не *Мы*, но это и не *Они*. *Вы* – это *Они*, которые с *Нами*. Для женщин – это мужчины, для взрослых – дети, для бедных – богатые, для реалистов – аутисты.

Но если есть пересечение или даже касание между нами и ними, то это значит, что есть и те, кому приходится прятаться, скрывать, утаивать от нас, что *Они* – не *Мы*, а от них – что *Они* такие, как *Мы*. Двойственность пересечения *Мы* и *Они*, утаивание этой двойственности, порождает внутренний мир человека, который не требует плана выражения, ибо носит аутистический характер. Знаки изобретают те, кому нечего скрывать.